

Каждое его слово било точно в цель, словно змея, попавшая в самое уязвимое место, и каждое замечание больно задевало за живое, вскрывая самые сокровенные тревоги Го И.

Он покинул столицу именно потому, что причина смерти его жены осталась невыясненной, и тогда не было возможности начать расследование. Вернувшись в горы Тянь-Шань, где родилась его жена, он вовсе не ожидал, что столкнётся с переменами на севере, и потому задержался здесь. Его сын Го Ши родился недоношенным, с очень слабым здоровьем, потому он и не решился обучать его боевым искусствам, а позволял лишь заниматься общеукрепляющими упражнениями.

С его положением - Тайфу, сын великого полководца прошлого двора, человек с выдающимися способностями — как он мог бы унизиться до того, чтобы брать деньги с учеников? Как мог бы подавить свою гордость, чтобы искать иные способы заработка?

Пять лет — срок вроде бы и не столь долгий, но реальность такова, что деньги кончаются, нужные сведения получены, а младший сын требует особого ухода.

Вот и всё. Все очень просто.

К примеру, прямо перед ним лежал очевидный путь: вернуться в столицу, доложить обстановку, помочь своему ученику-государю построить стратегию правления, избавить страну от бед, принести мир поднебесной.

Поэтому, когда Мужун Ли снова и снова повторял эти суровые истины, Го И пришлось постепенно замолчать, успокоиться и медленно согласиться с тем, чтобы его благородный ученик снова и снова выполняет за него всякие мелкие хлопоты, те, что обычно доверяли лишь младшим слугам. Даже Го Ши никогда не делал для него подобного.

Этот юноша, хоть и немного безрассуден, но сердце у него чистое и искреннее. Он служит стране и народу, уважает своего учителя и любит своего брата. Почему бы не послушать его разок?

Хоть решение и было давно принято, Го И всё равно не мог переступить через свою гордость и прямо согласиться на уговоры Мужун Ли.

Бедный Мужун Ли наговорил ещё сотню фраз, прежде чем случайно заметил, что его учитель смотрит на него, как на полного дурака. Тут-то он вдруг и понял:

— Учитель, вы ведь в последние дни и не злитесь на Ли-эра, и не перебиваете, когда он говорит, и не мешаете ему за вами ухаживать... Может, вы просто устали жить здесь и хотите увидиться с императором-братом? Поехать на его день рождения?

— ...Мгм, — неведомо, сколько раз Го И втайне вздохнул, прежде чем выдохнуть это короткое

«мгм» через нос.

Конечно же, он и не догадывался, что Мужун Ли был готов ко всему — к побоям, к ругани, к отповеди, к наказанию. Сердце у него колотилось, а когда он наконец услышал это «мгм», то даже решил, что, должно быть, ослышался!

Го И посмотрел на него с тем же выражением, что и тогда, когда тот в детстве впервые пришёл в военный лагерь и стоял с разинутым ртом от изумления. В душе Го И усмехнулся: Я с таким трудом согласился, а ты — с таким видом вылупился... Похоже, стоит тебя проучить как следует, а то какой же я после этого учитель, если не умею держать авторитет?

Бедный Мужун Ли ещё не успел прийти в себя, как тут же услышал, как Го И с шумным вздохом продолжил:

— Хм, если ты ещё хоть раз об этом заикнёшься, я снова возьму Ши Эра и найду другое место для проживания. А господин генерал пусть тогда поищет нас ещё годика три-пять, это ведь тоже неплохо.

— А? Ма... мастер, учитель, вы... вы ведь только что не это имели в виду?.. — Мужун Ли перепугался до смерти, в панике схватил Го И за рукав, вытянул голову прямо к лицу учителя, словно пытаясь разглядеть, какое у него выражение, правильно ли он понял или всё же ослышался.

Го И, увидев, как Мужун Ли чуть носом не уткнулся ему в лицо, тут же оттолкнул его ладонью:

— Что ты творишь? А ну-ка быстро иди тренироваться!

Но в голосе его, впрочем, уже звучал не скрываемый смех.

Мужун Ли от радости подпрыгнул, схватил Го И за руку и потянул за собой:

— Прошу, учитель, обменяйтесь с Ли-эр парой приёмов!

В последующие дни Мужун Ли чувствовал себя так, будто у него в груди царапалась кошка: он и хотел узнать, когда же они наконец отправятся в путь, и боялся ненароком рассердить Го И. В этом тревожном состоянии он совершенно перестал себя контролировать и совершил много мелких ошибок, не осознавая этого. Например, он вылил чай на стол и намочил свиток, скрутил мокрое полотенце и намочил учителя, доев рис, продолжает сидеть с пустой миской, старательно зачерпывая воздух. Даже Го Ши перестал на это реагировать, настолько это стало обыденно. Но некоторые поступки Мужун Ли оказались столь неожиданными, что Го И не знал, смеяться или плакать.

Самое поразительное произошло: Мужун Ли встал рано утром и закончил тренировку по боевым искусствам, а затем ... отправился в школу заниматься каллиграфией!

Когда он впервые туда пришёл, Го И не сразу сообразил, в чём дело, и сказал:

— Разве ты не заваривал чай до тренировки? Нет необходимости заваривать его снова. Или Сугун хочет, чтобы я снова сразился с ним?

— Учитель, я хочу заниматься каллиграфией! — Мужун Ли сказал это с покрасневшим лицом и опущенной головой, но очень быстро и на удивление громко.

Во всей школе в этот момент остановились ручки, а все ученики уставились на него с открытым ртом.

Го И на мгновение замер, едва не выплюнув чай, который только что отпил. Он пристально посмотрел на него, после чего махнул рукой, велел ученикам продолжать писать иероглифы, а сам увёл Мужун Ли во двор, усадил его и с осторожностью спросил:

— Ли-эр, ты не ушибся на тренировке? Или ночью застудился и теперь у тебя голова кружится?

— Учитель, раньше вы смеялись надо мной, что если мне вдруг придётся отдавать военные приказы, то, наверное, придётся просить кого-то их за меня записывать... — Мужун Ли всё ещё смотрел в землю, лицо его было залито краской стыда. — Сейчас, пока вы рядом, Лиэр практиковал боевые искусства и ему нечего делать. Лучше потрачу это время на каллиграфию, может, и характер немного исправлю, чтоб вы не волновались каждый раз, что я снова сгоряча что-нибудь натворю...

Го И немного подумал и кивнул:

— Что ж, хорошо. С этого дня после каждой тренировки садись под этой сосной и пиши иероглиф «спокойствие» (□). Пиши, пока сам не сочтёшь, что достаточно, количество пусть будет на твой выбор.

С тех пор телохранители Мужун Ли перестали удивляться чему-либо. За этот месяц они уже повидали достаточно, чтобы больше ничто не могло вызвать у них недоумения.

Эта неожиданная перемена Мужун Ли сыграла важную роль: именно сопровождавшие его телохранители позже заняли важнейшие посты при всех переменах, что произошли в столице, и тем самым заложили основу для окончательного установления власти дома Му Жун в династии Юэ

В это же время Го И стал ещё более усердно заниматься делами школы, лично проверяя успеваемость учеников и чаще взаимодействовать с заставом Юймэнь. Он отослал домой часть старших детей, а младших сам сопровождал обратно, поручив их обучение уважаемым старейшинам городка, которых лично выбрал. С каждым родителем он побеседовал отдельно, объяснив ситуацию, и в итоге вся округа поняла — он и впрямь уезжает.

Но по настоянию самого Го И, несмотря на уговоры, местным жителям не удалось устроить прощальную церемонию или вручить подарки, в путь его проводили лишь несколько людей с приятной внешностью, выбранных как представители.

Однако и эти люди в день отъезда не пришли.

Пришёл только один человек.

Мужун Лин.

Когда Го И увидел Мужун Лина, в душе у него внезапно всё прояснилось: оказывается, это был он.

Хотя этот человек считался главным подозреваемым в смерти покойного императора, Го И ясно понимал: такой дядя императора, который только и знал, что пить, есть и развлекаться, с посредственными боевыми навыками и без особых амбиций, никак не мог безрассудно затеять государственный переворот, в котором не было никакой логики. Тем более, что, даже будучи сосланным в эти края на много лет, он вёл себя смиренно. Если бы он хотел чего-то большего, давно бы проявил себя, а раз встретился с Го И только сейчас, и то просто передал известие в столицу, не предпринимая никаких других шагов, значит, действительно не замыслил ничего дурного.

Пока эти мысли проносились в его голове, Го И похлопал боевого коня по спине, спрыгнул с седла и, не торопясь, направился к Мужун Лину:

— Если у Янь Тина нет дел, может вы пройдёте до пограничной заставы Юймэнь, там вас встретят должным образом.

Мужун Лин на мгновение опешил, с щелчком закрыл складной веер, так что звук «па» резко прозвучал в его ладони. На его лице появилась неясная, насмешливая улыбка:

— Разве Тайфу не боится, что я, тот самый, кто якобы отравил покойного императора, вновь попытаюсь захватить страну?

Едва он это сказал, как телохранители Мужун Ли тут же синхронно потянулись к копьям, но Мужун Ли громко рявкнул:

— Стоять! Кто позволил вам самовольничать?!

После чего выпрямился на своем боевом коне, словно изваяние, и с полной уверенностью передал подозреваемого преступника Го И.

Го И громко рассмеялся, подошёл и крепко схватил Мужун Лина за руку, в дружеском жесте:

— Если бы, увидев сегодня дядю императора, я и этого не понял, тогда мне действительно пора уйти в горы, не видеть никого и никогда не возвращаться в столицу!

Глаза Мужун Лина на прищурились, он внезапно сложил руки в кулак и с серьёзным лицом поклонился:

— Тайфу так ясно видит, что у Янь Тина на сердце. Мне стыдно за прошлое, и теперь я должен всем сердцем служить стране и народу. Прошу, будьте спокойны!

Сказав это, он неожиданно схватил Го И за руку, улыбаясь, веером начертал в его ладони иероглиф «Ли» (□), и тихо сказал:

— Тайфу, пир будет великолепный, только боюсь, скрытых стрел будет не меньше! Прошу, ради народа Юэ, ради юного сына, ради генерала, что столько сделал для вас — обязательно берегите себя!

Мужун Ли вспыхнул, покраснел до корней ушей и отвернулся в сторону.

Го И кивнул, многозначительно взглянул на Мужун Лина, затем крепко сжал его руку, только после этого медленно отпустил и, сложив руки в уважительном поклоне, сказал:

— Берегите себя!

С этими словами он обернулся, вскочил на коня и громко скомандовал:

— В путь!

Мужун Ли последовал за ним, а остальные телохранители, охраняя юного Го Ши, сидящего верхом на маленькой лошади, налегке двинулись вперёд. Так они покинули этот пограничный городок.

Но стоило им выйти за пределы поселения, как Го И удивил всех.

Он не направился на юго-восток в сторону столицы, как все ожидали, а повернул на северо-запад, в сторону заставы Юймэнь. Затем спрыгнув с коня и, задействовав внутреннюю силу, он стремительно умчался пешком.

Мужун Ли, глядя на оставшихся позади телохранителей и на Го Ши в их сопровождении, строго сказал:

— Тайфу отправился вперёд в Юймэнь, чтобы обсудить дела пограничной охраны с начальником заставы. Вы стройте колонну и двигайтесь дальше, а когда учитель вернётся я поеду вместе с ним и догоню вас!

<http://bllate.org/book/13723/1213803>